

истории и обзору истории средних веков в Западной Европе, второй — сравнительной истории Англии и Франции. Третий раз с публичным курсом Грановский выступал среди других профессоров Московского университета в марте 1851 г.

Предпринимая первый публичный курс лекций, Грановский сознательно хотел довести до общественности свои новые воззрения на историю. Он отчетливо представлял свой курс как выступление против реакционеров в науке, крепостников и деспотов в политике. За неделю до первой лекции Грановский писал своему другу переводчику и литератору Н. Х. Кетчеру: «Вообще хочу полемизировать, ругаться и оскорблять. Елагина сказала мне недавно, что у меня много врагов. Не знаю, откуда они взялись; лично я едва ли кого оскорбил, следовательно, источник вражды в противоположности мнений. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих врагов» (письмо от 15 ноября 1843 г.)¹². Главного своего противника Грановский видел в реакционной идеологии официальной народности, главных врагов — в ее адептах. Но постановкой общих вопросов философии истории, критикой проявлений подчеркнутого руссофильства Грановский задевал в своих публичных курсах лекций, да и в университетских годовых учебных курсах, историко-философские построения славянофилов А. С. Хомякова и братьев И. В. и П. В. Киреевских.

Публичные курсы лекций Грановского в середине 40-х годов имели необыкновенный успех. Аудитория всегда была переполнена. В настороженной тишине слушатели внимали новым для них мыслям, впервые звучавшим гласно и обращенным к передовой общественности. Сперва сочувственно, потом с восторженной благодарностью относились они к лекциям и лектору.

Герцену удалось напечатать статью о первой публичной лекции («Московские ведомости», 1843, 27 ноября), статью, исполненную признательности и восхищения. Попечитель университета Строганов разрешил ее опубликовать, но без упоминания о Гегеле. Ярче, отчетливее многих современников А. И. Герцен выразил и в 1843 г., и позднее, особенно в «Былом и думах», понимание передовой русской общественностью значения научно-просветительского труда Грановского.

Между тем в массе слушатели публичного курса, казалось бы, совсем не могли разделять убеждения и настроения лектора. Ведь прежде всего эти слушатели были людьми высшего круга общества, цветом московской дворянской публики. Именно этот состав посетителей публичных курсов лекций Грановского имел в виду Герцен в названной выше статье: «И после этого говорите, что всеобщие интересы не имеют глубоких корней в публике: она с необыкновенным тактом оценила всю современность живой, всенародной речью

¹² Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, с. 459.